

УТТЫРЬ ЛИХОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

толерантные
рассказы про
людей и собак

издательский дом
ФЛЮИД
FreeFly

18+

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Упырь Лихой

ТОЛЕРАНТНЫЕ
РАССКАЗЫ ПРО
ЛЮДЕЙ И СОБАК

Москва • 2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6
КТК 610
У 67

Упырь Лихой

У 67 Толерантные рассказы про людей и собак : [сборник]. – М. : Флюид ФриФлай, 2018. – 288 с. – (Книжная полка Вадима Левенталя).

Родители маленького Димы интересуются политикой и ведут интенсивную общественную жизнь. У каждого из них активная гражданская позиция. Но вот беда: мама и папа принадлежат к прямо противоположным лагерям на политическом поле. Очень скоро Дима замечает, что трагически расколота не только его семья...

ISBN 978-5-906827-50-0

© Упырь Лихой, 2018
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018
© П. Лосев, оформление, 2018

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Эта книга может вызвать у неподготовленного читателя шок. Поэтому она нуждается в коротком предисловии — чтобы читателя немного подготовить.

Однако прежде чем начать разговор, нам нужно ввести два понятия из теории литературы: свободный косвенный дискурс (термин Е. Падучевой; в этом кратком пересказе мы неизбежно упростим его трактовку) и остранение.

Начнем с первого. У любой истории есть рассказчик, и этот рассказчик никогда не равен автору. Ну, скажем, историю «Лолиты» мы знаем со слов Гумберта Гумберта — именно он от первого лица рассказывает ее нам, и уж конечно, этот рассказчик не Набоков. Историю «Бесов» рассказывает нам Степан Трофимович Верховенский, и, опять же, Достоевский делает все, чтобы мы не перепутали его с этим прекраснородушным и глуповатым стариком. И в том, и в другом случае «я», от которого рассказывается история, — это «я» выдуманного рассказчика, а не реального автора.

Но есть случаи более сложные. Вот, скажем, Анна на следующий день после скачек:

Пускай муж опозорит и выгонит ее, пускай Вронский охладет к ней и продолжает вести свою независимую жизнь (она опять с желчью и упреком по-

думала о нем), она не может оставить сына. У ней есть цель жизни. И ей надо действовать, действовать, чтоб обеспечить это положение с сыном, чтобы его не отняли у ней. Даже скорее, как можно скорее надо действовать, пока его не отняли у ней. Надо взять сына и уехать. Вот одно, что ей надо теперь делать...

Кто рассказывает нам все это, чьи мысли разворачиваются перед нами? Это Толстой утверждает, что у Анны есть цель, кому-то доказывает, что ей надо действовать, маниакально повторяет слова, путается в них, перебивает сам себя? Очевидно, нет. Иначе нам пришлось бы признать, что Толстой был не в себе за письменным столом, сочиня сцену. Ответ может быть только один: несмотря на то, что чисто грамматически про Анну говорится «она», на самом деле мы видим эту сцену изнутри ее сознания, ее глазами, это ее мысли, ее точка зрения. Это и называется свободный косвенный дискурс: когда формально рассказ ведется от третьего лица, но на самом деле рассказчик — сам герой.

Повесть «Толерантная такса» написана именно в этой технике. Формально грамматическое лицо третье, но это не должно вас обмануть. Рассказчик здесь — именно Дима, мальчик, которому в первой части четыре годика, а во второй — двенадцать. И этого рассказчика нельзя, разумеется, путать с автором. Автор выдумал мальчика и от лица этого мальчика ведет рассказ.

Это первое.

А вот и второе: для чего автор так делает? Почему бы не рассказать придуманную историю от нейтрального, так называемого всеведущего рассказчика? Потому что второй ключевой прием, который автор использует, — это остранение. Понятие остранения ввел Шкловский, на примере из того же Толстого. Наташа Ростова в театре:

Люди стали махать руками, и в руках у них было что-то вроде кинжалов; потом прибежали еще какие-то люди и стали тащить прочь ту девицу, которая была прежде в белом, а теперь в голубом платье. Они не утащили ее сразу, а долго с ней пели, а потом уже ее утащили, и за кулисами ударили три раза во что-то металлическое, и все стали на колени и запели молитву. Несколько раз все эти действия прерывались восторженными криками зрителей...

Казалось бы, достаточно сказать: начался спектакль, артисты исполняли свои роли — ведь все знают, что такое театр, как он устроен, для чего нужен, и так далее. Толстой же рассказывает нам все это глазами человека, который в театре как будто впервые, который ничего про него не слышал и который не понимает, что происходит. Для него все происходящее смотрится странно. Толстой берет простую, всем известную вещь, театр, и делает ее странной, остраняет ее. Для чего? Да как раз для того чтобы заново по-

ставить вопрос о том, что такое театр, как он устроен и для чего нужен (по Толстому — ни для чего).

Автор «Толерантной таксы» использует тот же прием с той же целью. Свободный косвенный дискурс нужен ему, чтобы рассказывать историю с точки зрения маленького мальчика, а точка зрения маленького мальчика — для того чтобы остранить все, что окружает героя, то есть, в сущности, нашу с вами жизнь.

Скажем, любого здорового читателя этой книги передернет от действующих в ней, пусть и на периферии ее сюжета, педофилов. Почему? Да как раз потому что о них говорится от лица мальчика, который, как Наташа в театре, видит только фактическую сторону дела, у которого еще не сформированы социокультурные коды и моральные нормы — соответственно, и осудить он ничего не в состоянии, только удивиться странному. Зачем автор делает это с нами? Да для того чтобы побольнее столкнуть нас со страшной реальностью педофилии, заставить машину нашей морали работать на полных оборотах — потому что, когда она так работает, она требует от нас активного сопротивления злу.

Ну, ужас все-таки в «Толерантной таксе» не главное; в целом перед вами одна из самых смешных книг, написанных на русском языке за последнюю четверть века. Это книга прежде всего сатирическая, причем тотально сатирическая. И читая ее и узнавая, как в зеркале, в ней всю общественную, как сейчас

говорят, повестку последних лет, читатель складывается пополам от хохота.

Почему? Все потому же: рассказчик, сообщая нам о произошедших с ним, его родителями, друзьями его родителей, их детьми, а кроме того, и с разными животными событиями, не соблюдает ни наших конвенций, ни нашего речевого этикета, ему неизвестно, что мы заранее согласились считать правильным, а что нет, в чем мы все согласны, а о чем вообще не говорим вслух. А откуда ему все это знать? Ему, ребенку, еще только предстоит встраиваться в эту странную взрослую жизнь, а пока он за ней с любопытством наблюдает, и только.

А жизнь эта в повести сатирически сгущена. Тут и русские марши, и марши несогласных, и скины, и хипстеры, и ЛГБТ, и гомофобы, и сексисты, и феминисты — все это на небольшом пространстве ближайшего жизненного окружения главного героя. На всякий случай отметим: так в жизни не бывает, это тоже литературный прием — прием сгущения, позволяющий в малой литературной форме затронуть большее количество тем, поднять больше проблем.

Мы сказали: сатира. Но жанр сатиры тем и отличается от просто юмора, что ее автор не просто высмеивает — а автор «Толерантной таксы», очевидно, высмеивает всех и вся, — сатирик делает это с определенной моральной позиции. Которая, как мы уже сказали, в «Толерантной таксе» принципиально отсутствует. Не

может быть еще моральных принципов у маленького мальчика, но зато у него есть здравый смысл. И именно он, простой здравый смысл, и занимает во внутренней структуре повести то место моральной инстанции, с которого высмеиваются и правые, и левые, и белые, и голубые, и русофобы, и русофилы, и условные «патриоты», и условные «либералы».

Рассказчик «Толерантной таксы» не хочет нас ничему учить, он и не учит. Лучше сказать, что своим взглядом на вещи он подает нам пример здравого смысла. Вокруг него все пребывают в перманентной истерике, вызванной политическими, мировоззренческими и культурными противоречиями. Маленький Дима посреди этой бури остается верен только собственному здравому смыслу. Он не вступает в борьбу, не принимает сторону, не осуждает, он только наблюдает, присматривается и остается спокоен.

Остается спокоен в том числе и тогда, когда вокруг него разворачиваются национальные конфликты. То, насколько болезненной может быть эта тема, мы знаем не понаслышке. Видит это и герой «Толерантной таксы». Видит — и бесстрастно фиксирует. И снова — эта бесстрастная объективность нас коробит, а иногда и шокирует (это не говоря о том, что до колик смешит). В механизме и смысле этого эффекта, безусловно, нужно разобраться.

Автор создает вокруг рассказчика гротескную, гиперболизированную реальность. И маленький Дима

фиксирует то, что видит, все подряд, ничего не отсеивая, не совершая отбора. Того отбора, который сделали бы мы, читатели, предпочтя чего-то не заметить, о чем-то не упоминать, а что-то для ясности заметить.

Вот воспитательница говорит ребятам в детском саду:

— Как вам не стыдно! — покачала головой Марья Петровна. — Во-первых, «чурка» — очень нехорошее, бранное слово. А во-вторых, вы не должны бить приезжих, потому что все люди — братья...

Ее голос — это ведь наш голос, голос разумных взрослых людей. И ее ужас перед неуправляемой толпой детей, которые слыхом не слыхивали о 282-й статье, — это наш ужас перед лицом реальности национальной розни (от которого, от этого ужаса — к добру ли, к худу ли — и была принята пресловутая статья).

Марья Петровна, безусловно, кругом права. Но мы не можем не испытывать некоторой неловкости, глядя на ее беспомощность, на ее неспособность справиться с вверенной ей группой детей. Смех, который рождается у нас при виде этой прекраснодушной, но такой бестолковой воспитательницы, — смех горький. А отсмеявшись, читатель не может не задаться вопросом, почему же Марья Петровна права и бессильна, а национальная ненависть и национальные стереотипы омерзительны и лживы и так тем не менее могуще-

ственны. И вот появление этого вопроса и есть, как я ее понимаю, одна из главных задач предлагаемой вниманию читателя повести.

Но только для того чтобы этот вопрос мог быть поставлен, нужно как минимум не закрывать глаза на реальность и не прятать голову в песок. Оттого что Марья Петровна закроет глаза и откажется видеть маленьких Диму, Аслана, Илхома, Гарика и других, они не перестанут существовать и не перестанут обижать друг друга. И именно поэтому «Толерантная такса» не могла бы быть рассказана от ее лица, а только от лица ребенка. Очевидно, что нужно искать способы говорить о проблемах, с которыми сталкивается общество, как бы болезненны они ни были. Таких способов — таких языков, как выразился бы специалист, — может быть много: язык науки, язык публицистики, язык законотворчества и так далее. Один из них — язык художественной литературы.

«Толерантная такса» не социологическое исследование, не экспертное высказывание и не руководство к действию, это произведение искусства, повесть. Искусство никогда не бывает точной копией жизни, оно — отражение в зеркале. В данном случае — в гротескно выпуклом увеличительном стекле. Отражение это одновременно и смешит, и пугает. И тем не менее неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Пусть в жизни чуть прямее, чем в зеркале, и все же крива, что уж тут.

Все сказанное было о повести «Толерантная такса», которая открывает эту книгу, но вдумчивый читатель обнаружит, что те же соображения в целом применимы и к другим текстам сборника. Сборника писателя, который пишет под ученым псевдонимом Упырь Лихой уже много лет, но книга которого выходит впервые. И своим выходом доказывает: перед нами сатирик щедринского, пелевинского уровня — горький, злой, наблюдательный, бескомпромиссный; писатель, который внимательно вглядывается в жизнь и не боится замечать ее самые омерзительные черты — и умудряется при этом оставаться гуманистом. Писатель, новых книг которого вы будете теперь ждать с нарастающим нетерпением.

Вадим Левенталь

ОТ АВТОРА

Ни одним словом в этой книге автор не желал оскорбить чьи-либо национальные и религиозные чувства, убеждения или сексуальные предпочтения. Персонажи книги не выражают политическую позицию самого автора. У автора ее нет, не было и не будет. Дружба народов — это именно то, чего сейчас недостает современному обществу, пусть даже самому толерантному и мультикультурному. Автор надеется, что общество рано или поздно станет менее политизированным и придет к отношениям, основанным на подлинном взаимопонимании, уважении к правам, ценностям, чести и достоинству всех людей. Наши дети имеют право на будущее без ненависти. Эта книга поможет родителям понять, как не надо воспитывать детей.

Упырь Лихой

ТОЛЕРАНТНАЯ ТАКСА

Диме четыре года, как и тебе, дорогой читатель. Ты уже научился читать? Молодец, тогда погнажи.

На выходные Дима с мамой едет в гости к тете Вере. Тетя Вера — мамина подруга, она недавно развелась с мужем. У нее есть сын Сережа, которому тоже четыре года, и такса Эдик.

Мама с Димой садятся на метро и едут в Химки. У станции «Речной вокзал» они покупают большой вкусный торт, потому что приезжать без подарка — невежливо. До тети-Вериного дома еще нужно ехать на маршрутке. Маршрутку ведет веселый азербайджанец. Какой-то дядя говорит шоферу: «Слы, останови на углу!» От дяди противно пахнет пивом, и у него на шарфике написано: «Спартак — чемпион».

— ОстановиТЕ, пожалуйста! — говорит мама. — Запомни, Дима, только тупые уроды не уважают людей другой национальности.

— А тупые либерасты вроде тебя сосут у хачей, — говорит дядя, но мама с Димой этого не слышат, потому что уже идут к дому тети Веры.

Тетя Вера живет в красивой блочной пятиэтажке, вокруг дома растут высокие тополя и кусты, а во дворе — детская площадка с горкой и качелями. Там всегда много ребят и есть с кем поиграть. А вот и тетя Вера — они с Сережей выгуливают Эдика.

Тетя Вера целует маму, они очень рады, что встретились. Мама говорит:

— Берите собаку и идите играть, а мы с тетей Верой поговорим о важных делах.

Дима и Сережа бегут с Эдиком на детскую площадку.

А что там за девочка в розовых колготках? Это Света, она гуляет с пекинесом Чапой. Собачья площадка далеко, и Свете лень туда ходить, поэтому Чапа какает в песочнице, пока никто не видит. Света уже учится в школе, ей целых восемь лет, и она очень много знает.

Чапа и Эдик — большие друзья. Чапа нюхает у Эдика под хвостом, а Эдик облизывает Чапину попу. Потом Чапа ставит передние лапы Эдику на спину и начинает дергать хвостиком. Это очень весело, Сережа с Димой смотрят и смеются.

— Света, зачем они так делают? — спрашивает Дима.

— Они пидорасы, — объясняет Света.

— А кто такие пидорасы? — спрашивает Сережа.

— Дурак! Это все знают! — отвечает Света.

— Мама, кто такие пидорасы? — кричит Сережа.

Тетя Вера и мама подбегают к песочнице.

— Как тебе не стыдно, Света? — сердится тетя Вера. — «Пидорас» — это очень плохое и обидное слово!

— Простите, я больше не буду, — говорит Света.

— Надо говорить не «пидорас», а «гей», — добавляет мама. — А еще лучше — человек нетрадиционной сексуальной ориентации. «Пидорас» говорят только тупые уроды и невежи. Ты же не хочешь, чтобы тебя считали невежей?

— Значит, гей — это человек? — спрашивает Дима.

— Конечно, человек, — говорит тетя Вера. — Такой же человек, как и ты. К нему нужно относиться с уважением.

— Например, называть на «вы»?

— Правильно, Дима.

Они идут пить чай с тортом, а Свете торта не дадут, потому что она — гомофоб. Гомофобы — это люди, которым не нравятся геи. Запомни, дорогой читатель: любишь торт — люби и геев.

Пока они пьют чай, тетя Вера рассказывает еще много интересного про геев. Например, геев нужно отличать от педофилов. Педофилы — это незнакомые дяди, которые подходят к вам на улице и пытаются угостить конфеткой. Так они хотят заманить вас в подвал и изнасиловать. Педофилов уважать не нужно. Если дядя хочет угостить вас конфеткой, сразу зовите милиционера, чтобы этого нехорошего дядю посадили

в тюрьму. А геи — хорошие. Они угощают конфеткой только тех, кому уже исполнилось 18 лет.

— А все-таки, кто такие геи? — спрашивает Сережа.

— Это мальчики, которым нравятся другие мальчики. Их еще называют «гомосексуалы», — объясняет тетя Вера. — Большинству мальчиков нравятся девочки, таких мальчиков называют «гетеросексуалы». Есть еще мальчики, которым нравятся и девочки, и мальчики, — это называется «бисексуалы».

— А мне не нравится играть с девчонками, — говорит Дима. — С ними скучно.

— Мне тоже, — говорит Сережа. — А еще у Светы Чапа срет в песочницу. Я там вчера копал подземный ход и нашел какашку.

Мама и тетя Вера улыбаются, они рады, что у них такие понятливые дети.

— А давайте посмотрим один хороший мультик про щенка, — предлагает тетя Вера. — Другие собаки не хотели с ним играть, потому что он голубой. (Подарочный компакт-диск с мультфильмом «Голубой щенок» приклеен к обложке с другой стороны, дорогой читатель. Постарайся не порвать книжку, когда будешь его отдирать.)

Диме и Сереже мультик не понравился, потому что в нем отстойные песенки и вообще все нарисовано акварелью, но тетя Вера сказала, что мультик все равно

очень хороший, он учит детей быть толерантными. То есть уважать тех, кто не такой, как ты. Например, Эдик уважает Чапу, хотя он сам такса, а Чапа — пекинес. Эдик — толерантная такса.

Потом тетя Вера учит Диму играть в шахматы. Если он будет хорошо играть в шахматы, то вырастет очень-очень умным, совсем как Гарри Каспаров. Через несколько лет Гарри Каспарова обязательно выберут президентом за то, что он умный. А сейчас его не выбрали, потому что в России живет совковое быдло, нация рабов. Если они пьют пиво и смотрят футбол, им наплевать, кто управляет страной. Они алкаши, гомофобы и фашисты.

— А кто такие фашисты? — спрашивает Дима.

И тетя Вера рассказывает про трех очень злых президентов — Гитлера, Сталина и Муссолини. Фашизм — это когда государство контролирует все сферы жизни общества, подавляет инакомыслие, культивирует консервативные, националистические идеи, вождизм, неприятие принципов либеральной демократии и тотальную систему идеологического контроля, целью которого провозглашается развитие и приумножение нации, сплочение народа под единым идеологическим строем.

Тетя Вера очень умная, недавно она защитила кандидатскую диссертацию по философии. Она очень

хорошо все объяснила про фашизм, только Дима половину слов все равно не понял.

Вот и день прошел. Пора на горшок и спать. У тети Веры в доме есть большой раскладной диван и Сережина кроватка, места на всех хватит. Дима будет спать с Сережей, а мама — с тетей Верой.

Мальчики пожелали мамам спокойной ночи и легли под одеяло, но сон к ним не шел, потому что на улице было еще совсем светло.

Мама за стенкой сказала:

— Не надо, дети услышат.

— Они все равно пока не понимают, — ответила тетя Вера.

И они еще долго болтали про то, какая сволочь Сережин папа, а потом что-то делали вдвоем. Сережа хотел пойти посмотреть, но Дима его не пустил, потому что подглядывать — некрасиво.

— А хочешь, я тебе покажу писю? — предложил Сережа.

— У меня своя есть, — ответил Дима.

— Дай потрогать, — попросил Сережа.

Но Дима не дал. Баба Валя вчера говорила, что если мальчик трогает писю, у него на ладошках вырастает шерсть.

На следующий день Дима и Сережа долго гуляли с толерантной таксой Эдиком. Эдик снова играл с Ча-

пой и с еще одной собачкой — карликовым пуделем. Было очень весело, а вечером Дима с мамой поехали домой.

Папа как раз пил пиво и смотрел футбол. Он посадил Диму к себе на колени и сказал, что наши выигрывают со счетом 3 : 0.

— Папа, а это правда, что те, кто смотрит футбол, — тупое быдло и фашисты? — спросил Дима.

Папа почему-то очень разозлился и выключил телевизор, а потом спросил, что еще интересного Дима узнал в гостях. А Дима рассказал папе про геев, гомофобов, Сережину писю и толерантную таксу.

Тогда папа ушел на кухню к маме, затопал ногами и заорал, что тетя Вера — тупая лесбийская сука и он не позволит возить ребенка к этой бляди и ее ебанутому сынку.

— Не матерись при ребенке! — велела мама.

И папа спросил:

— Что, пизду лизать при ребенке можно, а материться нельзя?

— А что такое пизда? — спросил Дима.

Мама хотела заткнуть папе рот, но папа послал ее на хуй и все очень толково объяснил. У тетя есть половой орган, который называется нехорошим матерным словом «пизда». Когда правильные дяди занимаются с тетями любовью, они засовывают туда мужскую писю, которая называется неприличным словом «хуй». И через девять месяцев у них рожда-

ются детки. Но есть неправильные дяди — сраные пидоры и толерасты, которые сосут и долбят друг друга в очко, то есть попу, и потом болеют СПИДом. Еще они пьют мочу, жрут говно и ходят на марши несогласных. А есть неправильные тети, такие как тетя Вера, которой он скоро набьет ее поганую морду, хоть она и женщина.

Баба Валя услышала, что говорит папа, и закричала, что такую скотину, как он, нельзя подпускать к ребенку. И папа сказал, что пусть она выкатывается из его квартиры и воспитывает свою дочечку-лесбиянку, а сыном он займется сам. Тогда мама собрала вещи и уехала обратно к тете Вере, бабушка уехала к себе в Мытищи, а папа остался без сладкого.

Зато теперь Диму и папу не заставляют каждый день хлебать противный суп, потому что они едят в «Макдональдсе».

Оставайся белым, сын!

На эти выходные Дима едет в гости к бабе Вале. Баба Валя — это папина теща. Она теперь живет в Мытищах, потому что они с папой не коррелируют. А папа поехал к тете Вере, чтобы поговорить с ней как мужик с мужиком.

Рано утром баба Валя забирает Диму, и они едут на настоящем поезде. Вот здорово! Если ты живешь в Мытищах, можно кататься на поезде хоть каждый день.

У бабы Вали во дворе тоже есть детская площадка, и там играет много детей. Дима хотел с ними подружиться, но бабушка запретила: сначала надо съесть суп и котлеты с макаронами. Наконец-то Дима будет есть нормальный суп с капустой, а не бигмак с кока-колой. Весь прошлый месяц папа с Димой ели в «Макдональдсе», поэтому у Димы начался понос, а папа растолстел на целых пять килограммов. Сосед дядя Витя увидел папу с обедом «Хэппи Мил» и сказал: «Ты еще в чебуречную на Казанском вокзале сходи». А папа ему ответил: «Сходи в баню». Потому что нельзя говорить неприличные слова при ребенке.

Дима съел весь суп, а не вылил в унитаз, как обычно. Баба Валя обрадовалась и разрешила погулять. Во дворе как раз играли четыре мальчика. Дима с ними сразу познакомился. Их звали Руслан, Мехман, Аббас и Реваз. Руслан и Мехман приехали из Баку, а Реваз — из Ткварчели. Только Аббас ниоткуда не приехал, потому что он татарин и всегда здесь жил.

Дима играл с ними в прятки, в догонялки и в индейцев. Было очень весело, только Диме разбили нос.

Баба Валя намазала Диме нос зеленкой и запретила дружить с этими хулиганами. И все выходные она водила его по улице за руку. У бабы Вали нет дивиди-проигрывателя, и компьютера у нее тоже нет. У нее есть только радио, старый телевизор и много отстойных книжек. Она неинтересная бабушка. Дима с ней больше не коррелирует, как папа.

А вот и понедельник. Дима вылил щи в унитаз и отдал котлету с макаронами кошке Марианне. Пора домой!

У Димы сильно чешется голова.

— Баба Валя, а что это такое зеленое ползет у меня по лбу?

— Это мышка-грязнушка, она кусает мальчиков, которые не умываются.

Но бабушка наврала, дорогой читатель. Никакая это не мышка. Это вошь.

Бабушке очень стыдно. Она берет ножницы и остригает Диме волосы, а потом бреет то, что осталось, женским станком «Венус». У бабушки в кладовке хранится керосин. Баба Валя мажет Димину голову керосином и надевает сверху полиэтиленовый пакет. Мышка-грязнушка ненавидит керосин. Эта мышка — просто дура, потому что керосин очень вкусно пахнет.

— Ну что, Дима, ты видел, как убежала мышка-грязнушка? — спрашивает баба Валя.

Но на самом деле Дима видел никакую не мышку, а обычные глюки.

Дима теперь лысый. Бабе Вале снова стыдно. Что же делать? Она идет с Димой в магазин и покупает красивую шапочку. На шапочке полоски всех цветов радуги. Тетя-продавщица говорит, что она очень модная.

А вот и папа.

— Смотри, папа, у меня новая шапочка!

Но папе что-то не нравится.

— Валентина Ивановна, вы не охуели — ребенку пидорские шапки покупать?

Кстати, папа приехал не один, а с мамой, она ждет в машине.

— Мама, почему папе шапочка не нравится? — спрашивает Дима.

— Конечно, не нравится! — говорит мама. — Такие шапочки носят только наркоманы.

— Сами вы наркоманы, — обижается бабушка. — При чем тут шапочка?

Даже бабушкам известно, что наркоманы носят никакие не шапочки, а шприцы, от которых можно заразиться гепатитом и СПИДом.

— Мой сын не будет это носить! Немедленно сними! — злится мама.

Дима плачет, ему жалко шапочку. Но раз мама сказала, надо снять.

— Изверги вы, а не родители! Как же он, с голой головой? — бабушка тоже плачет.

— Не нойте, Валентина Ивановна, я ему другую куплю, — говорит папа.

И Дима с папой и мамой едут в большой-пребольшой магазин. Мама сразу бежит покупать себе сумочку и туфли. Как ты думаешь, дорогой читатель, тетя Вера подарила бы маме новые туфли? Конечно, нет.

Дима рассказывает папе, как нюхал керосин в пакете и играл в индейцев с мальчиками, которых звали Руслан, Мехман, Аббас и Реваз.

— Все понятно, — говорит папа. У Димы очень умный папа, он всегда все понимает. — Запомни, сын! Не играй с Мехманом, он вшивый. Этот Мехман еще маленький, а уже помогает своему папе продавать наркотики и оружие. Каждый мальчик должен жить там, где он родился. Мы с тобой родились в Москве, поэтому живем в Москве. А эти мальчики — черные и родились в Мухосранске. Так что твой Мехман-токсикоман может валить обратно в Таджикистан вместе со своим папой. Москва — не резиновая.

И папа рассказал Диме про настоящих арийцев. Арийцы — это раса белых людей, они высокие и голубоглазые. Некоторые арийцы бреют голову, чтобы в драке их не схватили за волосы. Таких арийцев называют скинхедами. Они хотят, чтобы везде был порядок и все народы хорошо жили у себя дома, а не перлись к нам и не отнимали наши рабочие места. Они слушают правильную музыку в стиле «Oi!», ходят в качалку, пьют пиво и смотрят футбол, как папа. Они никогда не принимают наркотики. Арийцы — самые умные, сильные и смелые.

— Хочешь быть настоящим арийцем, Дима?

— Конечно, хочу!

— Оставайся белым, сын!

Папа купил Диме новые джинсы, подтяжки и красивые черные ботинки на толстой подошве. Такими ботинками хорошо пинаться. В них много-много ды-

рочек и белые шнурки. Папа сказал маме, что это помогает развивать мелкую моторику.

Завтра у Сережи день рождения. Дима поедет в гости и подарит Сереже полосатую шапочку. А потом они будут играть в арийцев.

Интеллигентный город

Папа Димы болеет за «Спартак». А за какую команду болеешь ты, дорогой читатель? Ни за какую? Это ахтунг. Спроси любую тетю Веру, и она тебе скажет, что геи не интересуются командными видами спорта. Правда, некоторые геи делают вид, что их интересует счет. Пиздеж, пиздеж, пиздеж. На самом деле они даже не знают, в какой форме наши и где наши ворота. Спорим, что и ты не знаешь?

А Дима знает, в какой форме наши. Недавно папа купил ему красивую красную футболку и спортивные трусы. Дима сейчас сидит в поезде вместе с мамой и папой, они едут в очень культурный город, где много музеев, рек и каналов.

А вот и вокзал. Сейчас утро, но уже очень жарко.

— Дима, сними куртку! — говорит мама. — А что это тут написано? «Лукойл»?

А что у Димы на спине? Титов, номер 9! Папа гордится Димой: сын теперь настоящий фанат.

Какой-то дядя спрашивает:

— Мужик, ты совсем оборзел? Че у тебя пацан в мясном прикиде ходит?

А папа отвечает:

— У тя че, какие-то проблемы?

Дядя покрутил пальцем у виска и отстал, потому что папа большой и сильный.

У мамы дела, а папа с Димой могут пока погулять, сходить в Эрмитаж. Папа ведет Диму на большую площадь со столбом посередине. Вокруг столба лежит что-то коричневое, это лошадиные какашки. А рядом стоит автобус, от него тоже пахнет какашками. Вот здорово, можно какать прямо в автобусе!

На площади две большие очереди — одна в музей, другая в автобус. Папа спрашивает:

— Ты куда больше хочешь, в автобус или в музей?

Они стояли сначала в очереди в автобус, потом в музей, потом снова в автобус, а потом папа сказал, что ссал, срал и клал на этот Эрмитаж.

Папа с Димой хотели поесть в «Макдоналдсе», но там тоже была очередь. Тогда папа купил два чебурека, и они пошли искать садик. В одном садике тусовались какие-то девочки в розовых колготках, и папа сказал, что это на самом деле мальчики, а точнее — сраные эмопиды. Когда Дима вырастет, он не будет дружить с эмо, потому что они лохи. В другом садике вообще никто не тусовался. Вокруг стояло много автобусов для туристов, и папа сказал, что это не садик, а газенваген.

Потом какая-то тетенька пригласила их на увлекательную прогулку по рекам и каналам Петербурга. Диме очень хотелось покататься на катере, но папа узнал цену и не пригласился.

Следующий садик был заперт на замок, чтобы туристы не топтали газон. Потом они дошли до садика, где стоял памятник какой-то толстой тетеньке в пышной юбке. Тетенька на памятнике была не одна, вокруг нее сидели важные дяди в чулках и париках. Папа плюхнулся на скамейку под сиреневым кустом и начал есть чебурек. К нему подсел какой-то мужчина в белых штанах и сказал, что недалеко отсюда у него есть трехкомнатная квартира, где он живет совсем один. Тогда папа выбросил чебурек в урну, очень крепко взял Диму за руку и ушел оттуда. На этого папу не угодишь.

Наконец папа нашел очень хороший садик — с большим прудом, в котором плавали уточки.

Какой-то мальчик стоит у самой воды и кормит уточек булкой. На мальчике красивая синяя футболка. Как ты думаешь, дорогой читатель, что на ней написано? Правильно, Зырянов, номер 18.

— Столкни его в воду, — говорит папа.

Но Диме не очень хочется это делать, потому что мальчик выше и сильнее.

У мальчика кончилась булка. Он повернулся, увидел Диму и сказал:

— На банке тушенки ромбиком знак, здесь похоронен московский «Спартак».

«Бить будет», — подумал Дима.

А мальчик понял, что Дима испугался:

— Не сцы, я тебя бить не буду. Потому что я живу в интеллигентном городе, а не в большой деревне, как ты. И вообще, ты еще мелкий и тупой.

— Я не тупой, — говорит Дима.

— А ты знаешь, что такое офсайд? — спрашивает мальчик.

— А ты-то сам знаешь?

— Знаю. Но тебе не скажу.

Вот какой умный этот мальчик, он все знает.

— А ты знаешь, из какой команды в «Спартак» пришел Быстров? — спрашивает мальчик.

— Дурак! Это все знают, — отвечает Дима.

— Ну, если все знают, так скажи.

Дима молчит.

— Владимир Быстров пришел в вашу мясную лавку из нашего питерского «Зенита». «Зенит» — чемпион, понял?

— Это «Газпром» — чемпион, — говорит папа. — Заплатил и выиграл раз в сто лет.

— А давай поиграем! — говорит Дима.

— Давай, — говорит умный мальчик. — Только мне нечем, я мячик с собой не взял.

Тогда Дима нашел в урне банку из-под пепси-колы, и они долго пинали банку.

А когда настало время уходить, папа дал умному мальчику по шее — чтоб не выебывался.

Футбол и бейсбол

Вчера у Димы был день рожденья. Ему исполнилось целых пять лет! Завидуешь, дорогой читатель? Ничего, у тебя тоже будет день рожденья, и тебе тоже подарят много полезного. Например, бейсбольную битку. Это ведь так здорово — играть в бейсбол.

Папа говорит, что на самом деле бейсбол — вовсе не американская игра, а русская, и называется «лапта». В нее играли еще древние русичи, а вшивые пиндосы с наших все слизали. Дедушка в детстве все время играл в лапту и папу тоже научил, а теперь папа будет учить Диму. Правда, мама говорит, что лапта — вовсе не русская национальная игра, потому что аналогичные игры есть у европейцев и у многих народов Кавказа, и в Средние века она пришла в Европу из Индии. Мама очень умная, но в лапту все равно играть не умеет.

Дима с мамой и папой поужинал, помыл свою тарелку, ложку и кружку, почистил зубы и сходил на горшок. Пора спать.

А папе пора смотреть футбол. Папа даже хотел поехать на чемпионат, но мама ему не позволила, потому что это дорого. Мама сказала, что если он такой идиот и потратит все деньги на какой-то говенный матч «Россия — Голландия», она снова уйдет к тете Вере.

А папа теперь после каждого матча ходит на улицу пить пиво, кричать и бить бутылки.

— Сделай потише! — говорит мама.

— И так заснет, — отвечает папа. — Всегда засыпал, а тут вдруг не заснет?

И Дима действительно очень хорошо заснул. А потом испанцы забили нашим гол, папа вскочил и заорал: «Лохи!» И Дима проснулся. А мама отругала папу за то, что ведет себя как подросток.

Дима узнал, что испанцы забили нашим гол, и ему стало очень страшно, а потом нашим забили еще гол, и Дима заплакал. А потом нашим забили третий гол, и папа сказал:

— Все, не могу больше на это смотреть.

А мама накапала Диме валерьянки.

Дима снова лег в кровать, но никак не мог заснуть, потому что на улице какие-то дяди орал и били бутылки. Потом где-то зазвучало приятное тринь-бринь на гитаре, и кто-то запел тихим голосом на иностранном языке.

Папа высунулся в окно и заорал:

— Слы, мудака! Выключи свое латинское говно, ребенок заснуть не может!

А там кто-то сделал погромче. И папа снова высунулся в окно:

— Слы, блять, хосе игнасио сраный, вырубай свою шарманку!

А из дома напротив кто-то крикнул:

— Соси, быдло фанатское!

Мама пришла с кухни и сказала:

— Вот видишь, Дима, футбол — это не повод для национальной гордости. Голландцы нашим проиграли, но у них хорошие дороги, большие пенсии и высокий уровень жизни. А испанцы у наших выиграли, но у них как была безработица, так и осталась.

А папа сказал:

— Травокуры твои голландцы.

Дима уже хотел спросить, что такое травокуры, но хосе игнасио снова прибавил звук.

— Что за идиот? — спросила мама.

Она тоже высунулась в окно и заорала:

— Нельзя после одиннадцати шуметь! Я милицию вызову!

— Вызывай! — крикнул хосе игнасио.

И мама вызвала милицию, а папа с Димой стали ждать.

Через час пришел пожилой дядя в милицейской форме и крикнул:

— Ребятки, нельзя ли потише? Тут на вас жалоба поступила.

Хосе игнасио выключил шарманку, а когда дядя ушел, снова включил, еще громче, чем было. А мама засунула себе в уши ватные тампоны «тампакс-мини» и легла спать.

Незнакомые дяди запели на улице:

— Оле-оле-оле-оле! Россия, вперед!

— Идиоты, — сказал папа.

А хосе игнасио тоже это услышал и врубил музыку на полную громкость. И заорал в микрофон:

— Русское быдло, соси испанский хуй!

Папа сказал:

— Димон! Месть — это блюдо, которое надо подавать холодным. — И пошел в душ.

Он помылся, оделся и повязал лицо спартаковским шарфиком, хотя на улице было тепло.

— Куда ты идешь, папа? — спросил Дима.

— Играть в бейсбол, сынок.

— А можно я с тобой?

— Ладно, учись.

Папа с Димой взяли биты и отправились в дом напротив. Они быстро нашли квартиру хосе игнасио и позвонили в дверь, но никто не отозвался.

— Он глухой, что ли? — спросил папа.

— Не знаю, — ответил Дима.

А потом дверь сама открылась и вышел низенький тощий дядя с сигаретой и в наушниках.

Папа дал ему битой по лбу, а потом выключил музыкальный центр, оторвал шнур и начал бить по корпусу, пока весь не раздолбал. И выкинул в окно колонки.

Низенький дядя приложил ко лбу пепельницу и сказал:

— Я милицию вызову.

А папа ответил:

— Вызывай, Пуйоль-хуйоль.

Но дядя так никого и не вызвал.

Грязный извращенец

Диминого папу пораньше отпустили с работы, он забрал Диму из детсада, и они пошли гулять. А ты любишь гулять с папой, дорогой читатель? Нет? А Дима любит. Папа никогда не ходит примерять платья и туфли и не заставляет стоять в очереди, как мама. Он не встречается с тетей Верой и не запрещает пить холодный лимонад, от которого болит горло. Папа — хороший.

Сначала папа купил Диме мороженого, а потом они нашли очень хорошую детскую площадку с качелями. Дима тут же влез на них и начал качаться, а папа отправился в соседний магазин за пивом, потому что он большой и на качелях не помещается.

Пока папы не было, на площадку пришла какая-то жирная тетенька с тремя противными детьми. Они встали рядом и смотрели открыв рот. Им тоже хотелось покачаться, но Дима не слезал.

— Не будь эгоистом, мальчик, ты уже целый час тут качаешься, — сказала тетенька.

У тетеньки были замечательные черно-желтые волосы и синие тени на веках. Тетенька была одета в розовую кофточку и белые штанишки до колен, чтобы попа и сиськи казались еще больше. Диме это очень

понравилось. Если бы мама так одевалась, она была бы красивая, как принцесса.

Дима загляделся на тетенькины волосы, а в это время один из тетенькиных детей ударил Диму сзади палкой по ногам. Дима свалился, и тетенькины дети тут же стали драться, потому что каждый хотел покачаться первым.

А вот и папа с пивом. Он подбежал к Диме и спросил, почему у него вся морда разбита.

Но Дима ничего не ответил, потому что плакал.

— Надо смазать йодом, — сказал папа.

— Не хочу йодом! Он щиплет!

И Дима побежал от папы, потому что йод — это очень больно, а папа догнал его и взял на руки.

— А куда это вы ребенка тащите? — спросила тетенька.

Она тяжело дышала и обливалась потом, потому что все это время бежала за ними.

— Не ваше дело, — ответил папа.

— Нет, мое, — сказала тетенька. — Потому что я женщина и мать.

— А я мужчина и отец, — сказал папа. — Так что иди на хуй, овца, тебя не вызывали.

Тогда тетенька дала ему по морде сумочкой и сказала:

— А вы еще докажите, что отец. Я вас тут не видела!

В это время подбежали другие тетеньки и начали спрашивать:

— Почему ты плачешь, мальчик?

— Он мне палкой дал по ногам, и я упал с качелей, — объяснил Дима.

И какая-то старушка начала рассказывать, как в Новгороде одна тетенька запихала девочку между перил, девочка упала с третьего этажа и ушибла голову. Это тетенька нарочно сделала, чтобы все выглядело как несчастный случай. И теперь эту тетеньку судят за то, что она хотела убить ребенка.

Папа сказал:

— Бабуля, у вас что, проблемы с головой? Меня тут вообще не было, когда он упал.

— Да вы его не слушайте, он педофил, — сказала тетенька в розовой кофточке. — Приставал к мальчику на детской площадке. Хорошо, я вовремя заметила, а то бы завел куда-нибудь и изнасиловал.

— Он не педофил. Он мой папа, — сказал Дима.

— А разве папа не может быть педофилом? — спросила тетенька. — Это называется насилие в семье. А ты на этого мужчину даже не похож. Просто у тебя нет папы, и ты видишь папу в каждом мужчине, а мужики этим пользуются.

Папа сказал, что бесполезно что-то объяснять дуре, а тетенька начала вызывать по мобильному милицию.

— Пойдем отсюда, — сказал папа.

Но тетенька встала на дыбы, зашипела и выставила длинные розовые когти:

— Отойди от ребенка, извращенец!

Тогда папа сказал, что стыдно драться с бабой. И они ждали, когда приедет милиция.

А пока они ждали, тетенька рассказывала Диме, как злые дяди-педофилы заманивают маленьких мальчиков в лес, вставляют им в попу большую красную палку, а потом режут мальчиков на кусочки и съедают. Злые дяди так делают, потому что не могут другим способом получить сексуальное удовлетворение.

Пришел молодой дядя в милицейской форме, и папа показал ему штамп в паспорте.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил милиционер.

— Дима.

— Все свободны.

А тетенька еще долго возмущалась, что милиция плохо работает. Менты наели жирные морды, берут взятки и хватают невиновных, а убийцы и педофилы разгуливают на свободе.

Как мужик с мужиком

Как ты помнишь, дорогой читатель, папа недавно купил Диме классные ботинки с белыми шнурками. Дима теперь страдает. Во-первых, они натирают ноги. Во-вторых, в них неудобно бегать. В-третьих, шнурки все время путаются. В общем, пользы от них — никакой. Дима даже поругался с папой. Пусть сам такие носит.

Папа сходил на кухню за пивом, посадил Диму к себе на колени и спросил:

— Ты знаешь, Димон, что у тебя на ногах?

— Боты...

— Неправильно. В ботах только суки ходят. Ну, кошелки там, тещи всякие. А мы с тобой ходим в берцах. Берцы — это голенища высокие, потому и ботинки так названы. Их и солдаты носят, и ОМОН, и вайтпа, и сраные раши, и панки вонючие, и готы-пидоры. Даже твоя мама ходила в берцах, когда мы с ней познакомились. А знаешь почему? Во-первых, берцами хорошо пинаться. Берцы носят все, кто любит махачи. Во-вторых, в них зимой не холодно. Ну а в-третьих — они охуенно смотрятся на ноге. Мама, например, носила их с коротеньким розовым платьицем, чтобы ноги было виднее.

Конечно, берцы берцам рознь. Реальные пацаны покупают мартинсы и гриндера, кто победнее — в армейских магазинах закупаются, а клованы всякие типа готов берут китайскую хуйню. Опять же, и шнурки имеют значение. Раши, например, ходят в красных. Если увидишь кого-то в красных шнурках — сразу в пятак. Я тебе купил белые, но чисто в виде бонуса. Белые, сын, еще заслужить надо. Их носит тот, кто замочил нацмена. Это быдло всякое считает, что можно просто так забрить башку и вдеть белые шнурки. Ну, трады еще белые шнурки иногда вдевают, потому что слушают ска, но вообще это не приветствуется, за такое свои же могут дать по роже.

Короче, берцы, сынок, — очень полезная вещь.

Дима все равно не понял, какую пользу приносят берцы. И папа рассказал ему очень странную историю.

Помнишь, как я к тете Вере ездил? В общем, слушай. Тебя я к теще отправил, к бабе Вале то есть. Сам собрался как на парад: надел джинсы «Фред Перри», мартинсы и последнюю чистую футболку. Приехал, в дверь позвонил — никого. Ну а погода была хорошая, я решил подождать. Смотрю — на скамейке у подъезда сидит мужик моего возраста, тоже в берцах и бритый. В одной руке пиво держит, в другой — сигарету и поводок. А на другом конце поводка припизженная такса.

Я вспомнил, что у той коровы тоже вроде такса была. Спрашиваю:

— Это не Верино животное, случайно?

А он:

— Точно. Вера уехала с малым и еще с какой-то бабой, а меня оставила за этой тварью приглядывать.

— А когда вернется, не в курсе?

— Может, сегодня, может, завтра. Может, на неделе. Короче, облом.

Ебучая такса мою ногу передними лапами обхватила и засопела, а мужик ее так за поводок дернул, будто повесить хотел.

Говорит:

— Я этого пидора ушастого скоро придушу. Невозможно с ним гулять, ко всем кобелям клеится. Иду с ним вчера, навстречу — какая-то девочка с пекинесом. До сих пор перед ребенком стыдно.

Я ему:

— Каков поп, таков и приход. Чего от собаки ждать, когда у нее хозяйка лесбиянка?

Ну и рассказал мужику, как твоя мама нас бросила.

Он:

— Да быть такого не может. Ты молодой, красивый, а Верка — уебище лесное. Налево ходил, что ли?

А я твоей маме в жизни не изменял, даже когда на Новый год Аня-менеджер нажралась водки и плясала на столе без трусов.

Сказал ему это, а он:

— Вот блядина какая... Бедный мальчик.

Я психанул:

— Сам ты бедный мальчик, мне уже двадцать три.

Он:

— Да мне столько же. Кстати, меня зовут Максим.

Руки пожали по-нашему, вена в вену, и, знаешь, такое чувство появилось, будто мы всю жизнь знакомы. У баб ладошки мелкие, потные и холодные, а это чисто на ощупь приятно, ладонь широкая и теплая. И глаза его мне понравились — добрый такой, открытый взгляд.

Он спрашивает:

— Это что у тебя, настоящие мартинсы?

— Ага, в прошлом году в Англию ездил, там и брал.

— Респект.

У него у самого армейские берцы были, но тоже очень хорошие. И шнурки черные — скромный, значит. Максим этот приехал из Воронежа на несколько дней,

они с тетей Верой познакомились на каком-то форуме в интернете. Я еще подумал: раз встречается с таким мужиком, значит, не все потеряно. Из нее еще можно сделать достойного члена общества.

Говорю:

— Ну, ладно, я поехал.

А он:

— Может, лучше выпьем за знакомство?

Я начинаю прикидывать, где в этих Химках можно выпить, пожрать и не отравиться. А Максим:

— Чего деньги тратить, я и сам приготовлю.

Я, конечно, обрадовался:

— Во! Тема!

Сходили в магазин, купили пива, сколько могли унести, мяса, картошки и еще разной поебени. Пришли в Веркину хавиру, и он действительно сделал очень вкусно пожрать. Сказал, что пару лет жил с другим мужиком, поэтому готовить умеет.

Я такой голодный был, что прямо в сковородку на плите вилкой полез. Даже пошутил: типа, если ко мне жена не вернется, можешь у меня пожить. Потому что реально заебал фастфуд, а жена с тещей — хуже фастфуда.

Он улыбается:

— Не вопрос. Могу еще пол мыть, белье стирать, за дитем приглядывать.

А я уже как следует выпил в процессе и начал эту тему развивать. Танька готовить не умеет, в квартире

не убирается — все хозяйство на теще. Ребенку голову черт знает чем забивает. Секса у меня с ней уже полгода нет: то на марш убежит, то у нее месячные, то спать хочет, то не может при ребенке. Русских всех рабами и быдлом называет. Чурку обидеть не моги. Русские вообще сдохнуть должны, чтобы азерам всяким, таджикам и китайцам в России лучше жилось.

Еще хуйню всякую несет про общего врага, либерализм, демократический строй и прочие огээфы. Я, походу, не на Каспарове женился и в «Другую Россию» не вступал. А главное, хуй проссышь, кто у Татьяны общий враг — Путин или мы с Димоном.

Вот, Танька говорит, она борется за свободные демократические выборы. Типа, если у всех кандидатов будут равные шансы, народ кинется за либерастов голосовать. Я ее спрашиваю: а ты уверена, что народ за таких голосовать захочет? И знаешь, что она отвечает? Ее не интересует мнение быдла. Вот мнение пидоров ее интересует. И лесбиянок всяких. Я бы этих пидоров и лесбиянок первым делом в газенваген отправил, чтоб нормальным людям жить не мешали. Лежишь в постели с женой, а она тебе про гей-парад втирает. Типа, сексизм и гомофобию — на свалку. Так ваще импотентом станешь.

Макс меня обнял, по плечу похлопал:

— Не бери в голову, братуха.

— А как тут в голову не брать, когда тебе все мозги проебали?

Он говорит:

— Меня тоже этими гей-парадами задрали. Сколько раз им доказывал, что на парады бегать — только гомофобов дразнить. Ну, добьетесь вы гей-парада. Может, даже однополые браки разрешат. А толку? Я хочу не сраной толерантности, а чтоб меня реально уважали. Чтоб мужик-натурал меня любил, а не боялся.

— Не понял? Ты пидор, что ли?

— Не, — говорит, — я этих пидоров ненавижу. Женоподобные твари. Приперлись в прошлом году на марш, всю оппозицию опозорили.

Я ему тогда рассказал, как с ремонтной бригадой тусил, героев Плевны по ночам ходили пиздить.

Он спрашивает:

— Что, приятно пиздить пидоров?

— А ты-то сам как думаешь?

Он вдруг, ни с того ни с сего:

— Ты топ?

— Нет, — говорю, — до топа еще не дослужился. Но, может, скоро начальником отдела стану.

— А я боттом.

Я не подрубил, что такое боттом. Это у них в Воронеже простой менеджер, наверное.

Он спрашивает:

— Ролевые игры любишь?

А я и правда раньше на ролевухи ездил. Там всегда много телок тусовалось. Правда, были еще всякие эльфы-недоноски, мы по ним стреляли из пневматики.

Я и отвечаю:

— Любил, пока не женился.

И тут он хуйню понес. Начал мне втирать, что сам из антифы и бонов ненавидит, а я — русское быдло, раб кремляди, гомофоб и сволочь фашистская. Так что я его могу избить прямо сейчас.

Я, конечно, удивился — сидели, пиво пили, и вдруг на тебе. Нет чтобы цивилизованно следующего марша дожидаться и дать себя отпиздить. Не терпится ему. И вообще, меня от пива нехило развезло. Я даже футболку снял, она от пота вся мокрая стала.

Смотрю, он тоже футболку снимает.

Просит:

— Надень свои мартинсы, пожалуйста.

Я:

— Зачем это?

Он:

— Я их тебе вылижу.

А что, — говорю, — это мысль. Приятно видеть, что раши свое место знают.

Ну и надел, мне жалко, что ли? А он уже весь дрожит от нетерпения. На колени рухнул, ногу мою обхватил — и давай лизать. Так и впивается. Я прямо сквозь кожу его язык почувствовал.

Говорю:

— Дай я помою сначала, на них же типа бациллы всякие.

А он уже второй вылизывает, подошву, где самая грязь.

Такса тоже сунулась лизать, хоть в антифа и не стояла. Максим на нее как зарычит! Мне даже не по себе стало.

А он, значит, подбирается к джинсам.

Я ему:

— Не надо, они два месяца не стираны.

Он:

— Да, мой фюрер! — И снова мартинсы лижет. Послушный, хуле. Если вся антифа такая будет, я только за.

Спрашиваю:

— Ну, кто из нас раб и русское быдло?

Он:

— Я, мой фюрер! Я твой раб и быдло.

Я:

— Повтори.

И он повторяет.

А я ему:

— Скажи, что ты ссанное чмо и пидор сортирный.

И он говорит:

— Да, я ссанное чмо и пидор сортирный. И ты можешь на меня насрать.

Я смутился немного, все-таки квартира чужая. Неудобно этой тете Вере на пол срать, хоть она и ОГФ.

Отвечаю:

— Нет, это для другого раза отложим. Я тебя где-нибудь на помойке обоссу.

Макс обрадовался. Сказал, на помойке даже интереснее. А я ему ногу на спину поставил. Чтобы не отвлекался. Он задышал тяжело и снова лизать начал,

а мне так хорошо стало, не передать. Когда я два года назад руку рэперу сломал, и то так приятно не было. Стою, балдею.

И тут мне что-то бабах по затылку!

Оборачиваюсь, а там твоя мама с тетей Верой и с малым. Это мне твоя мама врезала сумочкой. Тетя Вера сразу таксу в охапку схватила и орет ребенку:

— Иди с Эдиком погуляй!

Сама быстренько камеру достала и снимает. Типа, нравится ей, настоящий артхаус. Про какой-то футфетиш пиздеть начала, сроду о таком не слышал.

Макс не заметил даже, что они вернулись. В ногу мне вцепился и лижет, а мама твоя смотрит разинув рот, как дура.

И вдруг ее прорывает:

— ПИДОР ВОНЮЧИЙ, ОТОЙДИ ОТ МОЕГО МУЖА!

А Макс — не вставая с колен:

— Что, завидуешь?

Я говорю:

— Чо ты взъелась? Как пизду лизать — она первая, а как берцы — так сразу ахтунг?

И тут твоя мама принялась орать. Она где-то полчаса орала. Сначала — что пидоры позорят оппозицию перед лицом общего врага. Типа, когда вы стоите у стенки с завязанными глазами и чувствуете запах оружейной смазки, а на вас направлены винтовки ебаной кремляди, вам не до анального секса. Потом начала втирать, что пидорам насрать на общие интересы. Они их подменяют своими, шкурными. И вообще,

гомосексуализм — это психическая болезнь, так что в «Другой России» пидоров быть не должно.

Тетя Вера говорит:

— Так-так... Что за гомофобские настроения? Один взрослый человек лижет другому боты по взаимному согласию. Не член сосет, заметь. Что в этом плохого? Или мы теперь ненавидим всех, кто не такой, как мы?

Танька аж покраснела от злости:

— Кто это не такой, как мы? Он всю жизнь гомофобом был!

А я так, спокойно:

— Кто это гомофоб? Я толерантен. Сексизм и гомофобию — на свалку.

Тут твоя мама за руку меня схватила — и тащит. Я машину вести не мог, потому что сильно нажратый был, так она за руль села, и ничего, доехали — правда, без переднего бампера и правой фары...

Папа допил пиво и замолчал. Диме стало очень жаль папу — такой он был грустный.

— Пап, ты чего?

— Ничего, сын. В жизни каждого мужчины бывает момент, когда он понимает, что делал что-то неправильно. И чем скорее ты это осознаешь, тем меньше времени будет упущено.

Дима честно признался, что ничего не понял. А папа погладил его по бритой голове и сказал:

— Вырастешь — поймешь.

И тут, дорогой читатель, зазвонил телефон. Мама на кухне хотела взять трубку, но папа отобрал:

— Это меня, — и долго с кем-то трепался про ремонт, а потом повеселел, переоделся и начал зашнуровывать ботинки.

— Ты куда это собрался? — спросила мама.

А папа покраснел и ответил:

— На помойку. Мусор выносить.

Папа и постмодернизм

Любишь ли ты читать, дорогой читатель? Что, серьезно? И Димина мама тоже любит, поэтому она очень умная, а папа глупый. Мама весь вечер сидит за компьютером, а папа моет пол, выносит мусор и играет с Димой. Папа мог бы поиграть и с мамой, но мама говорит, что у них с папой когнитивный диссонанс.

Раньше папа читал Диме перед сном хорошие книжки — про советского мальчика по имени Дениско, про Маугли, про Винни-Пуха, про Карлсона и про немецкую девочку, с которой детям не разрешали водиться. Диме это нравилось намного больше, чем отстойный голубой щенок, которого любит мама.

Но две недели назад с папой что-то случилось. Он, как обычно, забрал Диму из садика, привел домой и сказал:

— Займись чем-нибудь.

Содержание

От издателя	5
От автора	15
Толерантная такса	17
Рыжая сука Госдепа	83
Изя и Руслан	149
Отважная маникюрша Света и ее собака Инстуш	219
Барбара	245
Лучшая собака	269

Литературно-художественное издание

Упырь Лихой

Толерантные рассказы про людей и собак

18+

Художественный редактор *Павел Лосев*

Редактор *Аглая Топорова*

Корректор *Антонина Семенова*

Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 15.01.2018. Формат 76 x 108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 15,12. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, корп. 2

тел.: (985) 8000 366

www.fluidfreefly.ru

e-mail: fluid@gorodets.ru,

levental.bookshelf@gmail.com

интернет-магазин: gorodets.ru

«Это маленький шедевр. Мир глазами пятилетнего мальчика Димы. Он смотрит по сторонам незамутненными глазами, не через призму воспитания, идеологии и прочего мусора, которым набиты головы взрослых. Тут нет вялого интеллигентского пережевывания кухонных тем, нет страдания по безвременно ушедшей державе и почившей культуре, нет трусливого желания держаться за подол Великой Русской Литературы, то и дело озираясь, что-то она, великая, скажет. Смелая, классная, уморительно смешная история, которую интересно читать от начала до конца».

Александр Снегирёв

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

ISBN 978-5-906827-50-0

9 785906 827500